

Stylistická analýza konkrétních publicistických textů

Publicistický a odborný styl navzájem sblížuje jedna z jejich podstatných složek - informativní funkce. Z toho vyplývá, že přesvědčivost a logičnost argumentace, racionálnost, jasnost a přesnost předávaných informací, které jsou vlastní jazyku vědy, jsou neméně důležité pro jazyk publicistiky. Avšak pro publicistický styl je vedle informativní funkce nejdůležitější funkce přesvědčovací (ovlivňovací, získávací). Interpretace a sociální hodnocení konkrétních událostí je proto v publicistice často důležitější, než informace o nich, a někdy i než samotná událost. Tato skutečnost má vliv i na další charakteristické zvláštnosti publicistického jazyka. Narozdíl od odborného a také jednacního stylu disponuje různorodými hodnotícími, emocionálně-expresivními jazykovými prostředky, vyznačuje se výrazností a svobodnou jazykovou tvořivostí, nestandardností a využíváním možností jazykového sebevyjádření. Na druhé straně frázovitost jazyka, která je vlastní hromadným sdělovacím prostředkům, do značné míry snižuje účinnost žurnalistického a publicistického textu. Kvalitní publicistický text se proto přemíře frází a klišé vyhýbá.

Z hlediska možnosti rozpoznání z jazykového hlediska kvalitního a nekvalitního publicistického textu může být zajímavé srovnání dvou publicistických materiálů, otištěných v deníku „Известия“ 21. 12. 2000.¹

Oba texty jsou napsány v žánru analytického článku, jejich autory jsou J. Bogomolov a M. Sokolov, a jsou věnovány stejnému tématu: pohledu na ruskou historii v souvislosti s přijetím nových symbolů ruského státu (státní hymny, znaku a vlajky). Oba autoři sledují i společnou hlavní myšlenku, hovoří o věčném konfliktu mezi státem a osobností člověka, o pasivitě a bezmocnosti moci, o neefektivnosti činnosti státu ve všech oblastech života společnosti. Pro analýzu textů z lingvoestetického (stylistického) hlediska nejsou důležité vlastní názory autorů, zajímá nás jejich autorský styl (idiolekt) z hlediska jazykové autenticity.

Pod titulkem „Ностальгия и страх“ jsou na první straně otištěny dva čtenářské dopisy, redakční vsuvka a zamyšlení Jurij Bogomolova:

Оба наших корреспондента в сущности спорят не о гимне, не о музыке. Им обоим не по душе помпезность советской патриотической песни. По душе им популярные сердечные напевы. Вкусовые предпочтения, правда, разные, один ориентируется на (...) песню шестидесятников, другой – на традиционную советскую лирику. Но общий знаменатель очевиден: и тот и другой противопоставляют себя чему-то казенному.

Они себя противопоставили советскому государству с той лишь разницей, что профессор это сделал не слишком категорически, а моряк – с предельной принципиальностью. И в этом, собственно, корень нынешних разногласий, которые, впрочем, касаются не только прошлого, но и настоящего. Оттого они и приняли столь острую форму, чего, наверное, меньше всего ожидали власти, инициировавшие полемику.

¹ О.Б.Сиротинина, Н.И.Кузнецова. Е.В.Дзякович и др.: *Хорошая речь*. Под ред. М.А.Кормилицыной и О.Б.Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001, 84-91.

Гимн, флаг, герб - это рябь на воде, это симптомы то ли стихающего, то ли начинающегося волнения. А споры о них – признаки то ли угасающего, то ли возрождающегося исторического самосознания массы.

Профессор Анатолий Якобсон хорошо устроился в Истории. То, что черное и кровавое в ней, – не его. А то, что светлое и прекрасное, – его. Он, видимо, думает, что относительно мягкий тоталитаризм 60-х годов в принципе возможен без кровожадного сталинизма, что социализм с человеческим лицом не является оборотной стороной социализма с бериевским ликом. На этой иллюзии, собственно, и основан компромисс нашего читателя с советским строем.

Из разрушения ее возникает конфликт кадрового моряка К. Зимина с тем же режимом. Боль, причиненная режимом не ему, – его беда. Он за нее отвечает своей совестью. А подвиги, совершенные при нем учеными, поэтами, балеринами и музыкантами, – это их подвиги, это их личное счастье, их удача, гордиться (или не гордиться) коими – тоже личное дело всякого гражданина.

Советское государство, творя зло, присваивало нагло и бесцеремонно всё то добро, что совершали его граждане подобно гофмановскому крошке Цахесу. Оно брало себе в петличку спортивные рекорды, победы, вешало на свою стальную грудь, как ордена, музыкантов, художников и ученых с мировыми именами. И кичилось и бравировало перед другими народами...

Наконец, самое главное и страшное, что, между прочим, усугубляет сходство между сталинским и гитлеровским режимами, – прекраснодушный идеализм в обоих случаях был таким же важным и основополагающим их началом, как и хмельная ненависть к этническому или социальному признаку.

В 1945-м мы разгромили гитлеровскую военную машину, победили ее «мясом», как выразился Виктор Астафьев. Мы тогда порушили чужой тоталитаризм и морально укрепили собственный, который стремился огосударствить частного человека с потрохами.

Сегодня нам труднее, чем немцам в 45-м. Они сразу проиграли все свои войны – политическую, экономическую и идеологическую Мы отрезаем себе хвост тоталитаризма по частям и страшно себя жалеем.

Моряк прав, если не отделять историю государства от частной жизни его граждан, то подвиги одних в той или иной степени послужат оправданием злодеяний других. Одни жизни становятся заплатами на смертях других. Ужас нашей советской истории даже не в том, что в ней попадают страшные ямы вроде тех, что под Екатеринбургом и в Катыни. А в том, что эти ямы вырыты под постаменты почти для всех наших побед. Зияние оказывается сиянием

И хотелось бы думать, что черные и светлые полосы в нашей истории, – это просто череда дней, восходов и заходов, заморозков и оттепелей, да не получается. Получается жесткая обусловленность, порочный круг, который целое десятилетие мы мучительно пытаемся разорвать.

Триумфальное возвращение старого гимна показывает, как далеки мы и сегодня от цели. Молоху снова понадобилась душа частного человека, который теперь будет просыпаться и засыпать, рождаться и умирать с положенной на музыку Александра мыслью о Его Величестве Государстве.

...В «Медном всаднике» Пушкин взвешивал государство и частную судьбу. Поэт начал за здоровье царя Петра, а кончил за упокой души бедного Евгения, похороненного на окраине юного града, что вознесся пышно, горделиво...

С тех пор сюжет этот в истории и литературе проигрывался не однажды. И всякий частный человек, доведенный до отчаяния, до сумасшествия, грозит государству «Ужо тебе!», а оно гонится за ним по потрясенной мостовой и настагает – Стихия входит в берега, снова одевается в гранит, а потом снова бунтует, мстит разрушениями, бедствиями, несчастьями...

...Читатель К. Зимин хорошо ответил и профессору Якобсону: советская история прошла не даром только в том случае, если мы поймем, что она прошла даром.

Na druhé straně je otištěn článek Maxima Sokolova pod titulkem „*Зерцало жизни*“:

Хотя сегодня о занятиях госсимволикой и подобными тому вещами идеальной, а не материальной природы говорят как о деле ненужном и надуманном самые разные люди – от наших плюралистов до самого А. И. Солженицына, – прежде не всегда наблюдалось такое пренебрежение к идейной сфере. «Зерцало жизни», украшавшее столовую в доме отца Федора (Вострикова), демонстрировало иной подход к соотношению реального и идеального – «Сим молитву деет. Хам пшеницу сеет, Яфет власть имеет». Сакрально-символическое, хозяйственно-экономическое и государственно-политическое рассматривались как равно необходимые общественные функции. Отец Федор, в отличие от Солженицына и плюралистов, был более близок к традиционалистско-средневековому и даже индоевропейскому миросозерцанию, т. е. не считал, что рынок сам все расставит по местам, но признавал необходимость активной идеологической работы. На исходе второго тысячелетия это триединство вновь было подтверждено, когда В. В. Путин, предприняв реформу симовой сферы, т. е. госсимволики, со стереотипной точностью стал воспроизводить стандартную схему, использованную предшествующими президентами-реформаторами при устройении новшеств в хамовой («совершенствование хозяйственного механизма») и яфетовой («реформа политической системы») сферах. Все тот же четырёх-тактный цикл.

Такт № 1. С большой помпой объявляется об нововведениях, имеющих целью устранить немногочисленные недостатки прежнего положения вещей и привести дела к окончательному совершенству. По ведомству Хама см. Закон о госпредприятии (1987 г.), по части Яфета – возрождение власти Советов на основе решений XIX партконференции. После такого шага особой многовариантности не предвидится, ибо поступок этот даже и на бумаге не является гладким. Нарочито эклектическое соединение старого и нового приводит к тому, что старое начинает рассыпаться на глазах, а новое с такой же стремительностью приобретает черты крайней кособокости. Тому, сколь быстро в конце 80-х была разгрохана инерционная и обладавшая большим запасом прочности советская система, дивились многие, а уж кто не дивился явившимся на смену постсоветским порядкам, и сказать невозможно. Быстрый переход системы в состояние разноса и составляет главное содержание такта № 2.

Такт № 3 начинается с нижней точки падения, когда не работает уже ничего и в случае установления хоть какого-то порядка предпринимаются пожарные меры по принципу «когда горит дом, о разбитых стеклах не думают». См. пожарные экономические мероприятия зимы 1991–1992 гг. и столь же пожарные политические решения на интервале от Беловежских соглашений 1991 г. до воследовавшей осенью 1992 г. танковой стрельбы в столице. И лишь такт № 4 отчасти и с крайней неполнотой реализует заявленное при запуске первого такта создание чего-то весьма неказистого, но хоть на что-то похожего, соответственно чему звуковой аккомпанемент весьма различен: такт № 1 – «Нам не страшно усилие ничье, мчим вперед членовозом труда», такт № 2 – «Хотели как лучше, а получилось как всегда»

Дело далее не в том, что своими символическими упражнениями В. В. Путин четко прорезал грани общественного разделения – идеологические, классовые, поколенческие, – хотя, вообще-то говоря, государственная символика существует не для этого, а совсем даже наоборот. Дело в том, что сама методика эклектических мероприятий в сочетании с хвалебным хором эффективных политологов (совсем как в 1985 году – «Новый смелый реформаторский шаг Михаила Горбачева») наводит на мысль, что лавры завершителя, побонапартовски сумевшего остановить революционную тряску, удержав, однако же, важнейшие революционные завоевания, В. В. Путину вряд ли светят. Уж слишком уверенно он въезжает в надежно глубокую колею, проложенную зачинателем последней большой тряски М. С. Горбачевым. Завершители там не ездят. Понятно, что в большевистский период как хамовы и яфетовы, так и симовы функции были изуродованы до неузнаваемости и восстановление идеологической связности скорее всего будет столь же кособоким, как восстановление связности хозяйственной и властной, – но все же это понимание недостаточно утешает.

Komentář:

V obou materiálech se zřetelně projevuje dominanta publicistického stylu – vyjádření sociálního hodnocení. Text J. Bogomolova je žánrově pojat jako komentář, hodnocení dvou čtenářských dopisů, v nichž jsou vyjádřeny protikladné názory na přijetí původní státní hymny Sovětského svazu jako nové hymny Ruské federace. Novinář se v něm očividně staví na stranu bývalého námořního důstojníka a odmítá stanovisko vysokoškolského profesora, což se mimo jiné projevuje používáním přímého hodnocení: „*Они себя противопоставили советскому государству с той лишь разницей, что профессор это сделал не слишком категорично, а моряк – с предельной принципиальностью... Профессор ... хорошо устроился в Истории. То, что черное и кровавое в ней, – не его. А то, что светлое и прекрасное, – его. Он, видимо, думает, что относительно мягкий тоталитаризм 60-х годов в принципе возможен без кровожадного сталинизма... На этой иллюзии, собственно, и основан компромисс нашего читателя с советским строем. Из разрушения ее возникает конфликт кадрового моряка ... с тем же режимом. Боль, причиненная режимом не ему, – его беда. Он за нее отвечает своей совестью... Моряк прав... Читатель... хорошо ответил и профессору: советская история прошла не даром только в том случае, если мы поймем, что она прошла даром“.*

Z úryvku je zřejmé, že novinář straní námořníkovi, jeho stanovisko hodnotí jako „konflikt s režimem“, autor dopisu má podle něho pravdu je „svědomitý a fandí svému národu“. Názor profesora označuje jako „kompromis a iluzi“ a pohodlný názor na dějiny.

Při analýze sovětské historie Bogomolov užívá množství slov s negativně hodnotícím významem, negativní konotaci nesou v jeho interpretaci i užití historické termíny (*помпезность, казенный, тоталитаризм, кровожадный сталинизм, социализм с бериевским ликом; государство, творя зло, присваивало нагло и бесцеремонно..., брало себе в петличку..., вешало на свою стальную грудь..., кичилось, и бравировало; прекраснодушный идеализм, хмельная ненависть, ужас нашей советской истории, порочный круг*). Pozice autora je tak jednoznačně a jasně vyjádřena a argumentována. Tomuto účelu slouží i další racionálně hodnotící výrazy a slovní spojení: *острая форма разногласий, оправдание злодеяний, проиграть все войны, страшные ямы, жесткая обусловленность, мучительно пытаемся разорвать, триумфальное шествие, далеки от цели* aj.), a také modální částice, upřesňující stupeň pravděpodobnosti obasahu výpovědi a zmírňující neosobnost tónu výkladu (*правда, собственно, впрочем, наверное, видимо, наконец, между прочим*).

Za účelem zvýšení přesvědčivosti a účinku na čtenáře Bogomolov využívá nejrůznější tropy a řečnické figury – metafory, srovnání, antiteze: *гимн, флаг, герб- это рябь на воде, это симптомы то ли стихающего, то ли начинающегося волнения; одни жизни становятся заплатами на смертях других, зияние оказывается сиянием; отрезаем себе хвост тоталитаризма по частям, подвиги одних.. послужат оправданием злодеяний других; Молоху снова понадобилась душа частного человека, который теперь будет просыпаться и засыпать, рождаться и умирать...; добро - зло; гордиться или не гордиться; история прошла не даром — даром, не по душе — по душе, восходы и заходы, заморозки и оттепели*). Z uvedených příkladů je patrné, že antiteze je základním způsobem výstavby textu.

Autor srovnává sovětský stát nejen s Molochem, ale také s hoffmannovským kocourem Mourem, a se zběsilým živlem z Puškinova „Měděného jezdce“, který mrzačí život malého člověka. V těchto srovnáních, v nichž je zdařile využito ilustrativní aluze, se zřetelně projevuje tvůrčí osobitost autora textu. Puškinův syžet a jeho ideje jsou v článku bohatě využity, obsahem dvou předposledních odstavců je analogie vztahů mezi státem a osobností v různých obdobích ruských dějin. Jedovatá autorova ironie je lexikálně-stylisticky i graficky vyjádřena ve spojení *Его Величество Государство*.

K oživení textu autor dále využívá frazeologizmů (*не по душе, брать в петличку, начать за здоровье, кончить за упокой*) a opakovaných výrazů a konstrukcí (*...симптомы то ли Пихающего, то ли начинающегося волнения. А споры о них - признаки то ли Угасающего, то ли возрождающегося исторического самосознания массы; То, что черное и кровавое в ней, – не его. А то, что светлое и прекрасное, – его. Он, видимо, думает, что относительно мягкий тоталитаризм 60-х годов в принципе возможен без кровожадного сталинизма. Что социализм с человеческим лицом...*).

Článek J. Bogomolova tak z jazykového hlediska zcela splňuje kritéria autentické publicistiky, jsou v něm dodrženy všechny zásady jazykové správnosti a komunikativní normy, zřetelně je vyjádřena stylová dominanta, přiměřeně jsou využívány různorodé obrazné jazykové prostředky, je patrná tvůrčí invence autora. Jazykové prostředky odpovídají žánru analytické stati, obsahuje přesvědčivé a jasné argumenty, myšlenky jsou vyjadřovány jasným, přesným a výrazným jazykem. Vedle využívání bohatého slovníku stojí za zmínku také různorodost syntaktických konstrukcí.

Такé в члáнку М. Сокóлова је социální hodnocení jako publicistická dominanta rovněж vyjádřena dostatečně зřetelně. Autor využívá značné množství výrazů s hodnotícími konotacemi (*ненужное и надуманное дело, пренебрежение к идейной сфере, признавать необходимость активной идеологической работы, необходимые общественные функции, со стереотипной точностью, с большой помпой, устранить немногочисленные недостатки, привести дела к окончательному совершенству, нарочито эклектическое соединение, черты крайней кособокости, инерционная и обладавшая большим запасом прочности советская система, состояние разноса, нижняя точка падения, не работает уже ничего, пожарные меры, реализует с крайней неполнотой, создание чего-то весьма неказистого, общественное разделение, хвалебный хор эффективных политологов, революционная тряска, важнейшие революционные завоевания, слишком уверенно въезжать в надежно глубокую колею, изуродованы до неузнаваемости, кособокое восстановление, недостаточно утешает*).

К vyjádření jedovaté ironie autor často využívá knižních, těžkopádných a vyumělkovaných pojmů a definic, majících většinou abstraktní charakter (*плюралисты, демонстрировать подход к соотношению реального и идеального, сакрально-символическое, хозяйственно-экономическое, государственно-политическое, традиционалистско-средневековое и даже индоевропейское мирозерцание, симова сфера, предшествующие президенты-реформаторы, устройство новшеств в хамовой и яфетовой сферах, четырехтактный цикл, особой многовариантности не предвидится, воследовавшая осенью 1993 г. танковая стрельба, символические ппажнения В. В. Путина, методика эклектических мероприятий; лавры завершителя вряд ли светят, зачинатель последней большой тряски М. С. Горбачев ај.*).

Прес зřetelnost vyjádření autorovy pozice je cháпání textu ztěжováno množstvím šroubovaných, složitých výrazů, čtenář je nucen vracet se na začátek vět, aby pochopil jejich smysl. Samotné věty mají většinou složitou stavbu s množstvím vsuvek, oddělovaných pomlčkami nebo závorkami, což rovněж ukazuje na těžkopádnost autorského stylu.

Autor se v zásadě sice vyhýbá směšování jazykových prostředků různé stylové úrovně, o to rušivěji však na čtenáře působí užití kolokvializmů či nespisovných výrazů (*кособокий, разгрохать, тряска, светить* ve významu ‚podařit se, vyjít‘).

I když užití aluze jsou průměrně sečtělému čtenáři patrně známy, o jejich všobecné rozšířenosti hovořit nelze. Příliš zdařilé není také spojení biblického výkladu uspořádání společnosti a mechanické teorie rozpadu sovětského státu (na principu fungování motoru).

Stať М. Сокóлова proto, narozdíl od předchozího члáнку, nelze považovat za příklad kvalitního publicistického textu, neboť autor se v něm dopouští prohřešků proti principu komunikativnosti tím, že nerespektuje požadavek účelnosti, jasnosti a dostupnosti užitých jazykových prostředků.